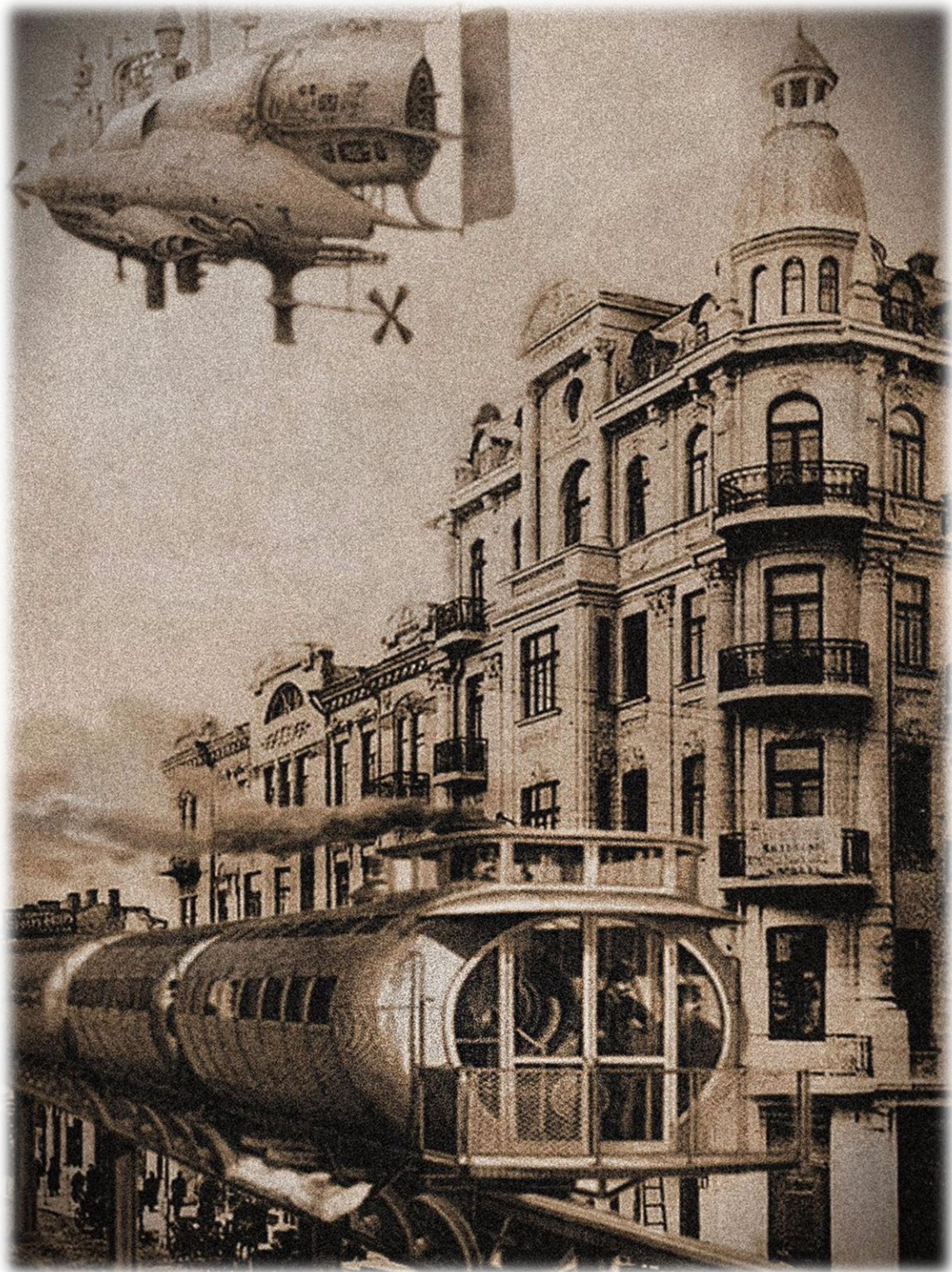

Корона для Марии

Анастасия Воронова

Это был один из тех ярких, морозных дней самой середины зимы, когда на фоне синевы неба исчезла даже коричневатая угольная дымка от несметного количества работающих в городе котлов. Я направлялся по делам и вдруг увидел даму, выходящую из экипажа у гостиницы “Савой”. Право, я не сразу поверил своим глазам, хотя узнал ее в тот же миг. Графиня Мария Александровна Терновская, так звали ее в девичестве, тридцать лет назад, когда мы в последний раз виделись. Она была столь бледной и измученной, что казалась траурной черной тенью на фоне искрящейся снежной Винницы и серебристо-серого, воздушного здания под голубым куполом. Кучер помог ей спуститься с подножки и графиня потеряла предплечья, оказавшись на морозе после разогретого паровым отоплением экипажа. Я стоял на другой стороне улицы, но она, повинувшись какому-то внутреннему чувству, обернулась и встретилась со мной взглядом.

Без сомнения, она мгновенно узнала меня, хотя я привык бродить по улицам инкогнито, в неприметной серой одежде и без охраны. Боже мой, боже мой, сколько же лет прошло! Как все изменилось! С того памятного сентябрьского дня, когда мы расстались, казалось, навсегда, канула в Лету целая эпоха, пропали и возродились государства, выросли города. И лицо ее, некогда свежее, светлое, осунулось и пожелтело, и под темно-синими глазами залегли тени - нехорошие, пугающие, могильные. И лишь губы были все такими же вишневыми, но теперь лишь казались неестественно яркими на бледном лице. Этой женщине удалось изменить историю, но время было к ней безжалостно.

Графиня стояла у экипажа, не решаясь отвернуться и продолжить свой путь. Я сделал шаг к ней и едва не попал под колеса паромобиля, гневно просигналившего мне клаксоном.

Я не знал, с чего начать беседу, но не мог себе позволить пройти мимо. Слишком уж невероятной была эта встреча.

- Желая здравствовать! Рад видеть вас, пани Мария, - я склонил голову в поклоне.

- Доброе утро, пан Нестайко, - произнесла она и я отметил, как сильно изменился ее голос - стал ниже и грубее, чем в юности; в ее украинском появился заметный немецкий акцент. - Или мне обращаться к вам “пан коронный гетман”?

Она улыбнулась и ее глаза заискрились.

- Как вам будет угодно.

- Никак не ожидала встретить вас в Виннице, еще и без охраны, - продолжила графиня, недовольная моим сдержанным ответом.

- Могу сказать то же самое и о вас. Должно быть, после Вены здесь весьма скучно.

- Я ненадолго, - вздохнула она. - Вы, вероятно, знаете, что мой отец недавно умер. Я собираюсь посетить Корчановку.

- Я был на похоронах. Примите мои глубочайшие соболезнования.

- Спасибо, - Мария вдруг судорожно втянула воздух, достала кружевной платок и приложила его к губам. Я заметил синеватые пятна на ее руках.

Ошибиться сложно - я слишком часто видел таких больных. Пневмоэксур. Неизлечимая болезнь легких, неизвестно откуда появившаяся во время Первой Средиземноморской войны.

- Вам нехорошо?

- Нет, все в порядке, - графиня тяжело вдохнула. - Как ваши дела? Когда сойм возвращается в Киев?

- Уже вернулся, - кивнул я. - Его величество тоже прибудет завтра.

При упоминании о короле глаза графини вспыхнули, но лишь на мгновение, она не стала ничего спрашивать. Несомненно, она припомнила обстоятельства нашей последней встречи. Кто знает, быть может, она вспоминала о тех днях так же часто, как и я.

- Прекрасно сохранилось здание гимназии с просторным залом, там и разместятся делегаты сойма, - продолжил я. - Король временно остановится в поместье Холодковских под Киевом. Моя ставка еще здесь, но в ближайшее время, как только подберут подходящее здание, я отправлюсь туда.

- Киев сильно пострадал от войны? - взволновано спросила графиня. - Я не была там с самого детства!

- Не так от войны, пани Мария, как от безразличия. Запустение, сплошное запустение, грязные руины. В городе тридцать лет были казармы российских солдат, там стоял гарнизон. Все придется восстанавливать.

- Как это ужасно, - вздохнула Терновская. - У вас так много работы.

- Это приятные хлопоты, - улыбнулся я. - Я ждал этого тридцать лет. Столица вскоре воскреснет.

- Что ж, желаю удачи, Северин, - она произнесла мое имя очень тихо и оглянулась на "Савой". - Меня ждут, нужно идти.

Я попрощался и провел ее до дверей гостиницы. Швейцар, распахнувший двери навстречу нам, узнал меня и вытянулся, как струна. Он не сводил с нас взгляда, и от этого становилось не по себе.

- И все же, - Мария вдруг остановилась и обернулась ко мне. - Быть может, вы согласитесь завтра сопроводить меня в отцовскую усадьбу? Мне нужно забрать некоторые вещи. Хотя... простите, думаю, у вас тысяча важных дел.

- С удовольствием, - ответил я. - Скажите только время и место.

- Я буду ночевать здесь. Утром, в десять, планирую отправиться в Корчановку.

Мы простились, и я ушел от "Савоя" в странном расположении духа. Весь яркий, слепящий день будто померк, холодное небо затуманилось, а за мной по улице чередой брели призраки далекого прошлого.

%%%

Мы были столь юными тогда. Никто из нас не знал, как далеко заведет нас наша борьба. Мечта об Украине - бескрайней, могучей, простирающейся от Сяна до Дона, - окрыляла нас. Никогда прежде, со времен Киевской Руси, не выпадало такого удивительного и в то же время опасного шанса, как тридцать лет назад, во время Палермского собрания.

Это был финальный аккорд Первой Средиземноморской войны. Российская Империя и ее союзники были повержены. Как раненный медведь, она уползала в свою берлогу, за Днепр, оставляя за собой Украину разрушенную, сожженную, но - свободную. Никто из нас тогда не знал, как долго российские солдаты останутся на Левобережье вопреки Палермскому договору. Впереди были долгие страшные годы, война, тысячи смертей и горькая долгожданная победа. Но тогда никто не думал о будущем, ведь в любой момент оно могло рухнуть, снова накрыв огненным яростным валом наши земли. Пока высокие чины с обеих сторон заседали в Палермо, здесь, на обожженном краю, в воздухе витала тревога и неостывший пепел разрушенных поселений. Россия ушла, но не забыла. И Австро-Босния, вырвавшая в боях из чрева ее проглоченное когда-то государство, знала об этом. Мы оставались меж двух огней - одинаково грозных и одинаково враждебных - обескровленные и изнуренные. И подчас казалось, что наша мечта, тот маяк, что сверкал нам издали, всего лишь иллюзия разгоряченного разума.

Я помню, как стоял у окна с видом на темнеющий в густых осенних сумерках сад в поместье Терновских, и думал, как хочу увидеть Киев. Он остался по ту сторону Нейтральной зоны - шрама, разделившего наши земли по Палермскому договору. Какой нелепой казалась мне Винница в виде столицы, пусть даже временной. Какую кровавую цену заплатили мы за эту смешную победу: королевство без древнего княжеского города! Как наши враги будут потешаться над словосочетанием "Винницкий престол"! Я был молод, и кровь во мне бурлила от негодования по такой странной причине, хотя никто в тот момент не решился бы поставить и пары австрийских крон на то, что Украинское королевство сможет состояться!

Слуга незаметно зашел в гостиную и принялся зажигать светильники. Газовые лампы вспыхивали одна за другой у меня за спиной, их дрожащий свет сгущал тьму за окном. Погруженный в печальные размышления, я не заметил, как к крыльцу усадьбы стали подъезжать первые экипажи. В условленное время к Терновским в Корчановку, на тайное вече перед встречей с австрийцами, съезжались делегаты украинских воеводств. Вскоре после завершения переговоров на Сицилии должен был собраться первый украинский сойм. Но даже здесь, те, кто называл себя освободителями, дали нам лишь призрачную надежду на самостоятельность. Австрия перед лицом всего мира обещала протекцию новому государству,

и во исполнение своего обещания намеревалась посадить в будущий украинский сойм нескольких имперских надзирателей. Нам оставался единственный шанс - подавляющим большинством голосов выбрать короля и коронного гетмана. Беда была лишь в разногласиях, испокон веков терзающих украинских воевод, от которых мне и моему старому другу, графу Терновскому, нужно было избавиться.

Я обернулся, услышав голоса в коридоре. Зычный бас Терновского выдавал его, даже когда он старался говорить негромко.

- Да, он здесь. Он прибыл сегодня утром.

Я одернул жилет и поправил шейный платок. Дверь распахнулась, и в комнату вошел граф в сопровождении безусого юнца в потертой полевой австрийской форме. Судя по нашивкам, он ходил в чине фельдфебеля. Светлые волосы его были гладко зачесаны назад по армейской моде, маленькие, близко посаженные глаза смотрели испугано, взгляд бегал. Вид у него был столь невзрачный и стеснительный, что когда Терновский произнес его имя, я не поверил своим глазам.

- Позвольте, друг мой, отрекомендовать вам моего спутника - Болеслав Андриевский.

Видимо, по выражению моего лица юнец понял мое изумление и смутился еще больше.

- А это пан Нестайко, я немало рассказывал вам о нем.

- Очень рад, - сказал я, пожимая руку новому знакомому. - Стало быть, вы сын покойного графа Андриевского?

- Именно так, - выпалил Болеслав и кивнул головой, на мой взгляд, излишне церемонно.

Он извлек из кармана медный коробок с вычурной гравировкой, потрянул им и протянул мне. Механическая визитница - я видел такую у австрийцев из штаба, довольно дорогая вещь. Я вытащил выдвинувшийся листок картона с золоченым теснением, на котором латинским алфавитом значились имя, фамилия и адрес владельца. Так и есть - Андриевский служил в Центральном штабе имперской армии.

- Что ж, сегодня предстоит нелегкая беседа, - улыбнулся я. - Позже мы обсудим с вами, что вы намерены сказать высокому собранию.

- Непременно, пан Нестайко, - смешно приподняв брови, ответил юнец.

Терновский провел Андриевского в гостиную, где уже ожидали несколько делегатов. Граф встречал всех гостей лично - из слуг в доме остался один старик, остальных распустили по домам. А дочь и супругу Терновский отправил в Вену, где они проводили большую часть времени в войну.

Я слышал, как граф представляет Болеслава главам воеводств. Любопытно, испытали ли они то же изумление при встрече с ним?

Улучив момент, я обратился к Терновскому:

- Вы ручаетесь, что это сын Андриевского? Нет ли ошибки?

- Никакой ошибки быть не может, полноте, Северин!

- Но ведь он...

- Королевского в нем мало, соглашусь, - кивнул граф. - Но ведь это наживное. Его готовы выбрать все: от Волыни до Брацлавщины! Мне Волынский воевода прямо сказал: "Андриевский нас с Малопольским княжеством свяжет, поддержка будет! Батюшка его из тех краев, хоть и прожил всю жизнь на Подолье".

- Глупости какие. Он юный совсем! - вспыхнул я. - Человек нам нужен, способный дать ответ империям!

- Уж раз вы, уважаемый, от этой роли самоустранились, то не вам решать, за кого голосовать сойму, - возмущенно нахмурил кудрявые черные брови Терновский.

- Я более полезен в другой сфере.

- Вот видите! И кто, по-вашему, способен стать королем?

- У меня есть кандидат, - кивнул я. - И скоро вы его увидите.

- Мать божья, храни нас всех, - пробормотал Терновский, опуская рычаг автоматического штопора. Шестеренки заскрежетали и поршень поднялся наверх, с легким щелчком вытянув из бутылки с вином пробку.

Делегаты негромко переговаривались, расположившись на мягких диванах в уютной, скромно обставленной гостиной. Мне всегда нравилось приезжать Терновским, граф отличался отменным вкусом. Ни мебель, ни интерьер в нежных пастельных тонах, ни последние технические новшества из Европы не кричали о состоянии хозяев поместья, не бросались в глаза и не отвлекали посетителей от разговора. Казалось, за год войны усадьбу никто не покидал - все так же пахло корицей и кофе, журчала музыка из нового фонографа, которому слуга изредка менял пластинки, а в углу тикали гигантские фамильные часы, показывающие одновременно время в столицах трех разных империй - Британской, Австро-Боснийской и Российской. Эти часы всегда вызывали у меня странный трепет. Как бы я хотел, чтобы время на них шло в обратном порядке, отсчитывая по одной секунды до конца этих уродливых, античеловеческих образований, не предназначенных ни для чего иного, как грабить и уничтожать народы! Вот и сейчас я бросил взгляд на часы, наблюдавшие за нами из угла тремя золотистыми глазами-циферблатами.

- Однако, сегодня не по-сентябрьски прохладно, - забасил мой друг и обратился к своему единственному слуге: - Подбрось дровишек в котел, совсем замерзнем, покаждемся.

Делегаты все как один проследили за его укоризненным взглядом в мою сторону. Пожалуй, единственная негативная черта того, кого мы все ждали, - это отсутствие пунктуальности даже в такой ответственный момент. Я достал из жилетного кармана часы - сложно было сказать, на время какой империи теперь нужно обращать внимание в селе под Винницей. Мои показывали без четверти десять.

А ведь обещал быть в девять, мерзавец, раздраженно подумал я.

Радиатор центрального парового отопления загудел сильнее, в комнате потеплело. Болеслав Андриевский вел неспешный диалог с двумя делегатами из Брацлавщины и киевским воеводой. Мальчик неплохо держался, но лицо с детским румянцем, безусое, даже без бакенбард, все равно вызывало скорее сочувствие, нежели пиетет перед будущим монархом. Что ж, подумалось мне, возможно, он еще проявит свои лучшие качества. По крайней мере, он не опаздывает на важнейшие встречи.

Едва я успел подумать об этом, как Терновский сорвался с места и бросился в гостиную. Кто-то прибыл - иной причины быть не может, он лично встречал всех гостей. От волнения я встал со своего места.

Он ворвался в гостиную стремительно, ножны сабли, висевшей у него на боку, зацепили штору на входе в комнату, и она пронеслась за ним, словно пола плаща. Терновский семенил следом за гостем, недоуменно наблюдая, как он остановился посреди комнаты, гордо подняв подбородок и оглядывая собравшихся.

- Покорнейше прошу простить меня, панове, - сказал он с широкой улыбкой, будто сам принимал извинения. - Я никогда не заставил бы вас ждать, если бы не совершенно невероятное событие! Моя лошадь издохла посреди дороги!

Он засмеялся, а я подумал, что готов провалиться сквозь землю. Куда-то туда, в самое пекло.

- Лошадь? - стараясь сдержаться, сказал я.

- Да! О, мой дорогой Нестайко, я и не заметил вас!

Он ринулся ко мне и обнял одной рукой за плечи, как в придорожном кабаке после пинты пива. Делегаты неотрывно смотрели за развивающимися событиями, не в состоянии произнести ни звука. Наконец из коридора в гостиную добежал Терновский.

- Я прошу прощения, не успел представить вас, - сказал он, на удивление, без всякого раздражения. - Или вас отрекомендует...

- Да, лучше это сделаю я, - мягко сбросив руку нашего гостя, подхватил я. - Панове, имею честь представить вам Григория Паляя, моего друга. И, несомненно, друга Украинского королевства.

Болеслав вздрогнул и прищурил глаза. Он втянул голову в плечи, будто ожидал, что Палий в тот же миг достанет саблю и ударит его наотмашь, таким образом мгновенно избавив делегатов сойма от необходимости голосовать.

- Очень рад, очень рад, - повторял тем временем Григорий, пожимая руки делегатам. Те испугано осматривали его с ног до головы.

- Прекрасно, - хлопнул в ладоши Терновский. - Что ж, мы можем приступить к выступлениям, или вам нужно время на подготовку?

Он вопросительно посмотрел на Андриевского, все еще вжавшегося в диван, и тот едва заметно кивнул. Палий резко мотнул головой и, подкрутив пышный светлый ус, заявил:

- Я готов!

После его ужасающего появления я был готов к любому развитию событий. Пусть, пусть резвится, впечатления все равно не исправить. Делегаты сойма, воеводы, уважаемые люди, все равно запомнят не то, что Григорий - потомок старинного казацкого рода, славного своими деяниями, и не то, что он участвовал во многих военных кампаниях и прибыл сюда напрямик из действующей части (где мы и познакомились). Они не поймут и того, что он честный, смелый, решительный человек и умеет принимать сложные решения. Нет. Они будут помнить только о том, что он напрочь лишен хороших манер и... у него издохла лошадь.

Я ничего не возразил и уселся в кресло, скрестив руки на груди. Будь что будет. Возможно, это длань господня.

- Погодите, - сказал Терновский. - Я предлагаю для начала провести голосование по той кандидатуре, которая, надеюсь, не вызывает сомнений ни у кого из присутствующих. Я думаю, все украинцы сойма единогласно выберут Коронным Гетманом королевства Украинского Северина Нестайко.

Я поднял на него взгляд. О кандидатах на пост Коронного Гетмана мы говорить не собирались, ибо все это было второстепенным по отношению к должности короля. Терновский первым поднял руку. И то же самое один за другим сделали делегаты сойма и воеводы.

- Вот и славно. Хотите что-то сказать, ясновельможный пан Коронный Гетман?

- Я, пожалуй, предоставлю слово Григорию.

Палий широко улыбнулся. Он начал свое выступление с долгой паузы, пока внимание всех делегатов не оказалось приковано к статной широкоплечей фигуре в австрийском мундире офицера Первого украинского полка. Он стоял, широко расставив ноги, словно хозяин земли, впервые осматривающий свои угодья. Я не слышал ранее, как он выступал, поэтому имел сомнения насчет успеха его речи. Не приходилось сомневаться, что он вовсе не готовил ее.

- Момент истины, панове, - сказал наконец Григорий. Он снова замолчал, и в наступившей тишине свист в разогретых паровых трубах и громкое тиканье часов стали особенно жуткими.

- Наши жизни больше не принадлежат нам, - продолжил Палий и выражение его лица стало серьезным, даже мрачным, впалые щеки побледнели. - Но я счастлив, что дожил до этой минуты.

Он отцепил саблю с портупей и принялся ходить по небольшому пространству перед делегатами.

- Я пытаюсь вспомнить момент, когда впервые понял, что жизнь моя больше не принадлежит мне. Быть может, то было в раннем детстве, когда мать пела мне колыбельную и песня была такой красоты, что, казалось, может излечивать раны. Или в момент, когда, закончив кадетское училище в Петербурге, я вернулся в родное село, вышел в поле и лежал в густых ворсах ковыля над обрывом, и солнце золотом отражалось в синеве Днепра. Или же это было в тот миг, когда, насмотревшись на бесчинства, пьянство и распущенность в российской имперской армии, я принял решение навсегда покинуть эту страну? Кто знает. Должно быть, этот момент все же был позже. Когда под Уманью российская офензива заставила нас отступить, и мой обоз выезжал из одного села, за ним бежала девушка. Я не помню ни лица, ни одежды, помню лишь, как она отчаянно схватилась за край повозки и кричала, и ее отец, с силой отрывая ее руки, говорил: "Они вернутся! Они вернутся!". Вы помните этот момент, Нестайко? - Григорий повернулся ко мне, его взгляд был задумчивым и грустным. Я кивнул.

- Никто не понимает ценности родной страны, прежде чем теряет ее, - продолжил он. - Девушка знала, за что мы воюем. Не австрийцы, не венгры, не босняки, а мы, Первый украинский полк. И пока мы были в ее селе, мы были ее Украиной, которую силой, с криками,

вырвали прямо из ее рук.

Он снова остановился и замер.

- Сейчас выпал удивительный шанс. Украина опалена, оборвана, разрушена, но она у нас в руках. - Палий слегка повысил голос и сжал кулаки: - Наши жизни больше не принадлежат нам! Все наше существование, все наши мысли, деяния и стремления должны теперь быть подчинены единой цели - не дать ни Австрии, ни России, ни самому черту вырвать ее из наших рук. И мы не должны успокаиваться, пока все братья и сестры, все земли не объединятся под единым крылом любящей Родины. Видит бог, я не хотел становиться королем, и происходящее здесь мне чудно. Но я готов пожертвовать всем, что имею, даже жизнью, чтобы, с вашей помощью, отстоять ее. Единую, могучую, свободную. От Сяна до Дона.

Григорий замолчал, тяжелым взглядом обводя аудиторию. Делегаты, казалось, боялись вдохнуть без его разрешения. Киевский воевода медленно перевел взгляд на меня. В его глазах читалось изумление.

А затем все зааплодировали. Делегаты сорвались с мест и принялись похлопывать Григория по плечу, радовались, словно дети, завидевшие няню с вазой конфет. Высокое собрание превратилось в разрываемый страстями клубок. Как же давно они не слышали таких речей. Как давно не видели таких людей! Палий сказал то, что шепталось ночью, при едва тлеющей газовой лампе, по украинским домам, то, что пульсировало в крови, что кричало и рвало изнутри. Он достал до самого дна, до глубоких воспоминаний детства, до истоков.

При всем этом веселье и браваре меня не покидало странное ощущение. Его речь была блестящей и убедительной. Но я бы не стал за него голосовать.

Я поймал на себе взгляд Андриевского. Его глаза были грустными, но не испуганными. Я указал на дверь кабинета Терновского, мы одновременно поднялись и отправились туда.

- Я... я... - Болеслав взволновано ходил по кабинету. - Что можно сказать после такой речи?!

Его голос сорвался, он провел рукой по всклокоченным волосам и уставился на меня воспаленным, отчаянным взглядом.

- Это не имеет значения, Болеслав. Вам все равно не превзойти Палия в красноречии.

Андриевский тяжело вздохнул.

- Я понимаю, вы хотите, чтобы королем стал он. Это ведь ваш протезе.

- Я хочу, чтобы королем стал человек, способный устоять под натиском с двух сторон, и удержать государство на плаву. Это все, чего я хочу.

Он еще раз мельком взглянул на меня и достал из-за полы мундира свернутые в трубку бумаги. Его детское лицо приняло выражение того усердия, с которым непослушные гимназисты выводят буквы в сложном классном задании.

- Я... у меня тут... вот... Я думаю сказать об этом. Взгляните, пан Нестайко. Я думал начать с того, какой я вижу армию. Вот, - он вручил мне мятый листок с неровными строчками и зарисовками солдатиков на полях. - Вы ведь догадываетесь, что Австрия планирует "доукомплектовывать" наши войска людьми из разных уголков империи? Этого допускать никак нельзя! - Болеслав вновь принялся расхаживать передо мной по комнате. - Я был не в Украинском полку, как вы, я давно служу в австрийском штабе. Я знаю, как организована их чудовищная военная машина! И понял, что у нас должна быть небольшая, но крепкая национальная армия. Нам нельзя соглашаться на предложение австрийцев, нам не нужны легионы чужих войск на нашей территории, которые будут спиваться от безделья или умирать от тифа...

Я уже не слушал его. Его чертежи и наспех записанные идеи поглотили мое внимание. Я расстелил бумаги на столе. Болеслав доставал все новые и новые листки - схема подчинения армии коронному гетману, численность, оснащение, даже эскиз новой украинской формы! Затем следующее - схема министерств, которые он планировал создать помимо сойма, инструкции отбора на должность министра, расчеты необходимых средств на изменения и восстановление после войны...

- И главное - селяне! Люди земли! - горячо воскликнул Болеслав и я поднял на него взгляд. - Они напуганы, они голодают и злятся! Нужно говорить с ними! Вы ведь знаете, какие у нас в

Украине селяне. Самое страшное, что сейчас может преподнести судьба, - это голодный бунт!

Я хотел что-то сказать, но не мог подобрать слов, поэтому кивнул и обратился к бумагам опять.

- А это что?

- А, это... - Болеслав слегка покраснел. - Я плохо рисую. Помните, что было на печати правителей Киевской Руси? Считаю, на нашем штандарте должен быть трезубец князя Владимира. Я хочу, чтобы Украинское королевство вернуло себе память.

- Киевский престол?

- Да. Мы о нем не забыли и никогда не забудем.

Я выдохнул и постучал пальцами по столу.

- Скажите об этом в последнюю очередь, как заключающее утверждение, - посоветовал я. - Не говорите много. Говорите, что вы знаете, что нужно делать не завтра, а уже сейчас. Они там пьют чай и немного отвлеклись от Григория, поэтому попробуйте привлечь их внимание своей программой действий.

Болеслав, внимавший моим советам с широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом, с готовностью кивнул. Я повернулся к двери, но он вдруг спросил:

- Правда, что галицкий воевода ненавидит поляков?

- Да. Он называет их исключительно ляхами.

- Я украинец только по матери.

- Не волнуйтесь, - ответил я. - Вы в большей мере украинец, чем многие, кто там собрался.

... Как я и предполагал, речь Болеслава, от волнения путанную и тихую, почти никто не слушал. В гостиной царил атмосфера спокойной расслабленности, как в обществе людей, уже принявших решение. Галицкий воевода даже не пытался скрыть гримасу презрения. Терновский болтал с двумя делегатами из Брацлавщины и однажды даже засмеялся так неприлично громко, что бедный Болеслав совсем забыл, о чем хотел сказать. Я неодобрительно взглянул на графа и тот прикрыл рукой рот, с почтением кивнув Андриевскому. Палий сидел в кресле и во время выступления оппонента, к счастью, вел себя на удивление скромно. Мы так и не поговорили наедине - очевидно, он считал, что хорошо знает мое мнение по поводу своей персоны.

После выступления Болеслава одарили жидкими аплодисментами, и делегаты сразу же приступили к вопросам. Григорий отпускал шутки, улыбался, вел себя настолько расковано, что делегаты особо не утруждали себя расспросами: лишь буковинский воевода попытался разузнать, каким образом Палий намерен наполнить казну в ближайшее время. Григорий весело заявил, что этим вопросом он будет заниматься вместе с министром финансов, и уж точно найдет самое выгодное решение.

- В любом случае, мы можем попросить кредит у Австрийского имперского банка. Пока император нам благоволит, как говорится, *carpe diem*¹, - улыбаясь, заключил он.

- Но позвольте, - робко возразил Болеслав, - Австрия хочет прислать сюда своих солдат. Да мы все де-юре — офицеры австрийской армии! Мы не можем брать еще и ссуду в имперском банке, если не хотим в любой момент столкнуться с необходимостью платить по векселям. Ведь платить придется, возможно, кровью.

Григорий медленно перевел взгляд на своего соперника, будто впервые увидел его. Болеслав покраснел, но упрямо не отводил глаз.

- И в чем же ваше предложение, мой юный друг?

- Я думаю...

В этот момент во дворе послышался странный звук. Матовую, бархатную тишину сентябрьской ночи разбавило пыхтение мотора. Паровой экипаж! Таким пользуется шеф австрийской комендатуры в Виннице! По подъездной дорожке покатались колеса, транспорт подъехал к крыльцу.

- Кто это может быть, Терновский? - одними губами спросил я. Мысли вертелись в голове

юлой: если о нашей встрече были проинформированы австрийские жандармы, дело примет весьма скверный оборот.

- Панове, - тихо сказал Терновский. - Будьте любезны пройти в кабинет.

Делегаты засуетились и спешно ретировались в другую комнату. Благо, места там было достаточно. Я, слуга и граф принялись быстро составлять на поднос их чашки и блюда после чая. Все это выглядело бы забавно — мы были похожи на гимназистов, которых куратор застал за курением, - но сердце все равно билось где-то в горле. Один шаг, один неверный шаг - и мы похороним наше дело!

В этот момент, едва старик с подносом скрылся в коридоре, молоточек входной двери стукнул три раза. Терновский, утерев пот со лба, отправился встречать гостей.

Через несколько секунд в прихожей раздался звонкий девичий смех.

Она появилась из тьмы коридора словно призрак, в светлом платье и белой шляпке, и застыла на пороге. Синие глаза смотрели на меня так удивленно и в то же время доверчиво, что я на миг потерял дар речи и не смог даже толком поприветствовать ее. Безумный шквал воспоминаний атаковал меня в секунду, и я будто перенесся в тот последний вечер, когда имел честь видеть ее. Графиня Мария Терновская. Собственной персоной.

- Пан Нестайко! - воскликнула девушка. - Я и не знала, что вы гостите у нас!

Ее яркие вишневые губы тронула улыбка. Я никогда не мог понять, что за чувства испытывает Мария, и испытывает ли она что-либо, когда она улыбалась так - одним уголком рта, по-детски широко распахнув глаза. Казалось, мое сердце билось так громко, что заглушало даже ход имперских часов. Терновский, вернувшийся из прихожей, бросил на меня виноватый взгляд.

- Очень рад видеть вас, панна Мария.

- Вот так встреча! - продолжала девушка. - А я прибыла в Винницу в девять вечера, еще до комендантского часа. Батюшка снял мне номер в “Савое”, чтобы я отдохнула с дороги и дождалась утра, но я так хотела сделать сюрприз... - Мария принялась развязывать бант на шляпке. - Ах, этот “Савой” мне вовсе не понравился - там прямо в коридорах спят солдаты, на этажах полно странных личностей! Я заплатила три кроны на выезде из города и вот я здесь! Правда ведь, сюрприз удался?!

Терновский улыбнулся дочери и вновь взглянул на меня. Зря он чувствовал себя неловко. Я не винил Марию в том, что отказала мне. Тогда я был бедным и худым, с бритой головой после вспышки тифа в казармах - какой приличной девушке, да еще и привыкшей к Вене, захочется за такого замуж? Она привыкла к самым изысканным развлечениям - балам в лучших столичных салонах, прогулкам на личных дирижаблях генеральских сыновей. Пять лет назад я не мог обеспечить ей такую роскошную жизнь.

Пока Мария отдавала указания слуге по поводу своей комнаты, Терновский подошел ко мне:

- Клянусь Богом, Нестайко, я думал, она приедет завтра к обеду, никак не раньше!

- Не стоит переживать, все в порядке.

- Что прикажешь делать с делегатами?

- Панна Мария, - я повернулся к девушке. - Сегодня просто вечер сюрпризов. Знаете, кто сейчас находится в кабинете вашего отца?

- Нет! - ее глаза озорно заблестели.

- Сейчас вам предстоит целая череда интересных знакомств, - анонсировал я. - Здесь гощу не только я. Возможно, вы и знаете кого-то из этих людей.

Терновский вздохнул, но сделал приглашающий жест в сторону своего кабинета.

Появление Марии произвело фурор. Делегаты, мысленно приготовившиеся к объяснениям с австрийской полицией, вновь расслабленно разговорились, осыпая девушку комплиментами и справляясь о том, как она доехала. Мария сияла. Очевидно, в Вене она привыкла к столь пристальному вниманию, и была приятно удивлена сюрпризом у себя дома.

Но больше всех юная графиня, по-видимому, потрясла Паляя. Я заметил, как вытянулось его лицо и глаза приоткрылись шире, едва девушка переступила порог кабинета. Он стоял, словно сраженный громом, недвижимый и бледный, и только через несколько секунд одернул китель,

подкрутил пышный ус и сделал шаг ей навстречу.

Мария вновь улыбнулась - точно так, как при появлении в гостиной, - и опустила глаза в пол, пока он представлялся ей, естественно, не дожидаясь, пока кто-то отрекомендует его. Затем она вскинула на Григория быстрый взгляд, и он заметно вздрогнул.

Я знаю, как обжигает эта бесконечная синева.

Я знаю, что бывает с теми, кто имеет неосторожность попасть в ее плен.

Меня охватила тревога. Палий продолжал что-то рассказывать, громогласно смеясь и похлопывая по плечу буковинского воеводу, как своего закадычного приятеля, но все это он делал машинально, будто во сне. Мария была в нем. Она была в каждом его слове и движении. Она наполнила его, словно оливковое масло кувшин, и больше не было сомнений в том, что Григория уже не волнует ни исход голосования, ни важнейший государственный пост, ни само государство.

Я знаю это ощущение. Ничего доброго в такое смутное время от него ждать не приходится.

Все вновь переместились в столовую. Я опять достал из жилетного кармана часы. Половина первого. Стало ясно — никакого голосования до завтра ждать не приходится. Мария стала центром всеобщего внимания, делегаты наперебой старались угодить ей и приобщиться к беседе. Только лишь Болеслав скромно сидел в углу дивана и копался в своих бесконечных записях, вовсе не уделяя внимание графине. Один раз я заметил, как их взгляды пересеклись, и в этот же момент щеки Андриевского вспыхнули. Он вновь уткнулся в листок с описанием армейского устройства и больше не поднимал глаз. Лоб его блестел от испарины.

- Панове, - вдруг зычно объявил Терновский, - сейчас уже позднее время. Я думаю, нам всем нужно отдохнуть. Давайте отложим на завтра принятие интересующего нас решения! А вечером я обязуюсь устроить прием!

- В честь Марии Александровны! - весело выкрикнул Палий. - Она должна вспомнить, как танцуют в Украинском королевстве!

Мария зарделась, осенив Григория еще одним пламенеющим взглядом. Она вновь улыбнулась той самой загадочной улыбкой, и вся фигура ее будто парила в воздухе в нескольких дюймах над полом. Я, равно как и все присутствующие, испытал странный трепет благоговения.

- Прекрасная мысль, пан Палий, - горячо поддержал его галицкий воевода, и сопровождающие его делегаты одобрительно закивали.

Вскоре все разошлись. Лишь Андриевский еще долго сидел внизу, в гостиной, и перебирал свои записи в дрожащем свете единственной газовой лампы. Похоже, он единственный еще не понимал, что дело уже решено.

%%%

Утром меня разбудил шум моторов. Сквозь плохо прикрытую раму с улицы просачивался холодный сентябрьский воздух. Я распахнул окно и взглянул на лазурное, чистое небо. Над усадьбой, подозрительно низко проплывал имперский дирижабль. Моторы мощно гудели, на огромном сером баллоне, удерживающем его в воздухе, виднелся черный двуглавый австрийский орел. В одной лапе он держал меч, в другой — державу. Вспомнилось, как сложно было отличать их воздушные судна от российских в пылу сражений: скорость дирижаблей и орлы были практически одинаковыми, и лишь по небольшим отличиям формы баллонов и гондол мы с земли отличали своего от чужого. До чего похожи империи, эти неуклюжие, неестественные монстры!

Воздушное судно скрылось за домом и лишь отдаляющееся гудение моторов напоминало о нем. Я уже хотел закрывать окно, как взгляд вдруг привлекли два силуэта, стоявших внизу под сенью желтеющих деревьев.

Несколько секунд я вглядывался в темноту сада. Послышался негромкий девичий смех. Сомнений не было — Мария и Григорий оказались ранним утром в саду, втайне от всех, не случайно.

Какой позор!

Я быстро собрался и спустился на первый этаж. В доме было пустынно — лишь посापывал во

сне Болеслав, примостившийся на диване. Уже почти на выходе на веранду я столкнулся с Марией. Ее длинные темные волосы были распущены и разметались по плечам. Она испуганно отшатнулась и попятилась. Я смотрел, как она стремительно, словно родниковая вода, скользит к лестнице на второй этаж и исчезает в темноте коридора. Палий не заходил в гостиную. Он стоял на веранде, уперев кулаки в бока, и сизый дым из автоматической курительной трубки окутывал его голову. Его рубашка была расстегнута на груди, китель небрежно висел на одном плече, а штаны были подкатаны по колено.

Я вышел на веранду и захлопнул дверь.

- Тебя разбудил австриец? - лениво затаившись, спросил Палий.

- Да. И вовремя, судя по всему.

- Избавь меня от этих намеков. Скажи прямо, что тебе не понравилась наша с Марией встреча наедине.

- Это крайне неудачное время. Я беспокоюсь...

- Еще бы ты не беспокоился, Нестайко, - насмешливо фыркнул он и поправил ус. - Я знаю о вашей истории, Мария рассказала. Понимаю твои чувства, но шанс тобой упущен.

Я обернулся. Лицо Палия выражало такое бессовестное довольство собой, что я не узнавал его. "Болван, - подумал я. - Какой болван!". Мне стало неприятно стоять рядом с ним. Часовой механизм его курительной трубки щелкнул и клапан сделал автозатяжку вместо Григория, застывшего в ожидании моего ответа на выпад.

- Все, что было, — давно в прошлом, - сдержанно ответил я. - В данный момент меня интересует только судьба королевства. О чем ты, как вижу, напрочь забыл при появлении изящной молодой особы.

Он ухмыльнулся.

- Брось. Все уже решено, Нестайко. Они выберут меня, и мы с тобой останемся наедине с двумя монстрами. Будет забавно.

- Весьма. Особенно, когда ты поймешь, что в казне пусто, а в селах голод. О воинском духе Украинского полка ты осведомлен.

- Я привык справляться с трудностями, не впервой. Надеюсь, ты поможешь мне, ведь так, друг?

Григорий протянул мне руку, но я лишь взглянул на нее и ушел с веранды.

Время перед и после завтраком я провел в бесконечных консультациях. В целом картина складывалась отнюдь не в пользу Андриевского, но некоторые делегаты все же обратили внимание на его речь. Главным недостатком Болеслава, как я и предполагал, был его слишком юный возраст — делегаты считали, что он не выдержит напряжения и станет игрушкой в руках умелых кукловодов. Признаться, те же мысли терзали и меня, но с другой стороны — мне хотелось верить ему, поэтому я осторожно подводил собеседников к мысли, что молодость во время войны — понятие относительное, и Болеслав при должной поддержке быстро закалится и сможет отстаивать государственные интересы.

Впрочем, все решилось еще до обеда.

Галицкий воевода подошел ко мне во время очередной беседы и сообщил, что за "клятого ляха" он голос не отдаст никогда, и его точку зрения поддерживают по меньшей мере еще десять делегатов. Болеслав выглядел удручающе и был пугающе бледен. Он пытался отвечать на вопросы, но ему не давали говорить, то и дело прерывая его речь репликами и комментариями. Палий и вовсе не скрывал своего презрения и позволял себе открыто посмеиваться, вальяжно развалившись на диване.

Я решил прекратить пытку и объявил начало процедуры вотирования:

- Напоминаю, что после решения, независимо от того, поддерживаете ли вы эту кандидатуру, вам придется голосовать за нее на первом заседании сойма. Приступим. Кто поддерживает Болеслава Андриевского, прошу поднять руки.

Я поднял руку.

Глаза Палия гневно вспыхнули. Я насчитал восемь голосов.

- Кто поддерживает Григория Палия?

Тринадцать. Делегаты бросились поздравлять победителя, все еще буравившего меня злым взглядом.

- Мои поздравления, ваше величество.

Я поблагодарил всех за участие и отправился к двери. Последнее, что я увидел, перед тем, как выйти из гостиной, - удивленное, по-ребячески озорное лицо Марии Терновской. Она смотрела на меня и улыбалась уголком рта.

%%%

В гостиной особняка Терновских было шумно. Расточительно ярко, как по меркам послевоенного времени, сияли десятки газовых светильников, фонограф проигрывал модные мелодии венских вальсов. К счастью, большинство делегатов не стали оставаться, так как были вынуждены разъехаться по своим воеводствам, чтобы подготовиться к первому заседанию сойма. К вечеру в особняк приехала графиня Терновская с другими дамами и была весьма удивлена неожиданным приемом. В особняке царил странная атмосфера эйфории, которую я, по понятным причинам, не мог разделять.

Я вышел на веранду и достал курительную трубку с щепоткой отличного доминиканского табака. Собравшиеся в зале люди отсюда, из темноты сентябрьской ночи, казались насекомыми в колбе у естествоиспытателя. Они мельтешили за стеклом, улыбались, танцевали и не подозревали, что я наблюдаю за ними так, как мог бы наблюдать сейчас любой австрийский шпик. Ищейкам из Эвиденцбюро, вероятно, показалось бы странным присутствие доброй половины делегатов украинского сойма на одном приеме. Какая же все-таки глупая идея была устроить его.

Впрочем, хотя бы кто-то, несомненно, был доволен. Мария была в центре внимания. Она не успела отдышаться от вальса с Палием, как юный делегат из Брацлавщины, неуклюже козырнув при непокрытой голове, пригласил ее на кадрили. Мария засмеялась, убрала с лица выбившийся локон и унеслась с кавалером в новый круг танца. Палий не сводил с нее глаз, и чем дальше продолжался вечер, чем тяжелее становился его взгляд. Он опрокидывал бокалы с шампанским один за другим — за свой успех, за прекрасных дам, за победу Украины, за развал империй... Внезапно слуга приподнял иголку фонографа и Терновский, выскочивший на середину комнаты, что-то весело объявил. Дамы приободрились и, застенчиво сжимая в руках веер, поднялись с мест.

Мария, снова обворожительно улыбнувшись Григорию, вдруг нырнула куда-то вглубь зала, за круг гостей. Через секунду она явилась назад, ведя за руку смущенного до дрожи в коленях Болеслава.

Я выпустил трубку из рук от неожиданности. Очевидно, Терновский, стараясь показать дамам знание последних веяний на балах в столице, объявил белый танец. И Мария, окруженная пылкими поклонниками, почему-то решила обратить внимание на Андриевского.

Я вернулся в гостиную. Лицо Палия посерело. Он залпом выпил еще один бокал.

Танец закончился и Андриевский, с потным лбом и раскрасневшимися щеками, поспешно сбежал на свежий воздух. Мария присела на диван и стала обмахиваться веером. Палий подошел к ней:

- А сейчас, панна Мария, не удостоите ли вы меня чести...

- О, помилуйте, Ваше Величество, - шутливым тоном ответила девушка. - Я падаю с ног от усталости!

Палий презрительно искривил уголок рта и резко схватил ее за запястье.

Гости взволнованно зашумели, музыка оборвалась. Мария смотрела на собственную руку с таким изумлением, будто впервые видела ее. Я взял Палия за локоть.

- Пусти. Пусти немедленно.

Дамы охнули. Он окинул меня мутным пьяным взглядом.

- Что вы себе позволяете?! - вмешался Терновский.

- Григорий, - прошипел я, - сию секунду...

Палий отпустил руку графини и быстрым шагом покинул зал. Я выдохнул и глазами указал

возмущенному Терновскому на фонограф. В гостиной снова грянула музыка, а когда я обернулся к Марии, на диване ее уже не было.

... Вечер был безнадежно испорчен. Гости расходились по комнатам в легком недоумении, а я был счастлив, что уже завтра утром отправлюсь в Винницу и наконец займусь делами. Несмотря на то, что Андриевского не выбрал совет воеводств, я решил, что найду применение его талантам в своем ведомстве.

Я вернулся в свою комнату и достал из кармана часы. Почти одиннадцать. Уже развязывая шейный платок, я услышал внизу странный шум. Казалось, что звуки доносятся не с первого этажа, а со стороны сада. Я распахнул окно и понял, что не ошибся.

Внизу царило нездоровое оживление. Несколько человек стояли на веранде, остальные толпились ближе к деревьям. Я растолкал их и очутился в самой гуще событий.

- Что здесь происходит?

Палий обернулся ко мне и едва не упал. В его руке был револьвер.

- Как же ты вовремя, мой друг, - воскликнул он, раскинув руки в разные стороны так, что зеваки бросились врассыпную, когда дуло указало в их сторону. - Я как раз выбираю секунданта!

В это мгновение я заметил Болеслава. Он стоял на коленях за лавкой и с трудом поднялся. Из разбитой губы сочилась кровь.

- Это возмутительно! - фыркнул Терновский, поддерживая его за локоть. - Я уж никак не ожидал такого поведения от вас, пан Палий!

- Ваше Величество! - С презрением выкрикнул Палий. - Как вы смеете так ко мне обращаться?!

- Что здесь, черт возьми, происходит?!

- Я вызвал его на дуэль, Северин! - пошатываясь, сообщил Григорий. - Он оскорбил честь Марии Александровны, и я намерен защитить ее!

Я взглянул на Терновскую. Она была на удивление спокойной и не произнесла ни слова, но при этом не казалась отстраненной. Мария не улыбалась, но наблюдала с интересом.

Палий обернулся к Болеславу и показал ему свой самозарядный револьвер с горным прицелом.

- Через пятнадцать минут. Я выбираю это.

Все это напоминало дурной спектакль. Григорий вошел в дом, дверь громко хлопнула. Я отправился следом за ним.

- Какого черта, Палий? - спросил я, затолкнув его в кабинет Терновского. - Это абсурд! Как ты смеешь так поступать?!

- О, мне не хватало душеспасительного разговора, отче, - насмешливо бросил он и уселся за стол, где стал разбирать оружие. - Я намерен проучить щенка.

- Ты пьян!

- Плевать, я и так неплохо стреляю. Поэтому не стал выбирать сабли.

Мне казалось, что я очутился во сне, где все вокруг происходило по собственному, давно решенному сценарию, и я никак не мог вмешаться в разворачивающуюся историю. Как нелепо! Это же до безобразия нелепо!

- Я не позволю устроить дуэль.

- Это не тебе решать. Я все равно застрелю его.

- Григорий!

Он наконец оторвал взгляд от револьвера.

- Подумай о стране. Ты же сам говорил, что наши жизни больше не принадлежат нам.

- Я старался поразить делегатов. Но со вчерашнего вечера моя жизнь действительно больше не принадлежит мне.

Палий взглянул мне в глаза. Вспоминая этот момент позже, я все никак не мог понять: действительно ли внезапная любовь к графине сделала его совершенно, беспросветно безумным, или же сама история запустила некий механизм, и жернова ее пришли в движение,

перемалывая нас, словно пшеничные зерна?

Я вышел из кабинета и вернулся в сад. Терновский куда-то ушел, видимо, решил отправить посыльного за доктором. Мария стояла под деревом, одинокая, и куталась в шаль. Ее лицо не выражало ни единой эмоции, только было слегка хмурым. Андриевский сидел на лавке, закрыв лицо руками, и один из делегатов готовил для него оружие. Я взглянул на оружие — старый короткоствольный наган не шел ни в какое сравнение с современным немецким револьвером Палия. Я присел рядом с дуэлянтом.

- Я понятия не имею, как это случилось, - виновато пробормотал он. - Я... я сидел в саду, ко мне вышла Мария Александровна. Мы перебросились всего парой фраз, клянусь, я не оскорблял ее! Тут откуда-то появился он. Я очнулся уже за лавкой. Что мне делать, пан Нестайко?

Глаза Андриевского были красными и припухшими от слез, в его взгляде читалось отчаяние. Сейчас он был похож на ребенка как никогда прежде, и я почти физически ощущал его страх. Смертельный, безграничный страх.

- Григория переубедить не получится, - ответил я. - Вам придется с ним драться. Вы хорошо стреляете?

- Достаточно хорошо, я был одним из лучших стрелков австрийского ландвера.

- Он выбирал оружие, значит, вы будете стрелять первым. Постарайтесь попасть ему в правое плечо.

- Я пытался отказаться. Лучше выстрелю в воздух.

- Тогда он убьет вас, - я положил руку на плечо Андриевского, он едва заметно дрожал. - Если вы попадете ему в руку, он не сможет сделать свой выстрел, и Терновский, как распорядитель дуэли, прекратит ее, - я поднялся с лавки. - Кроме того, есть еще одно дело. Мне нужно поговорить с Марией Александровной.

Графиня вздрогнула, услышав свое имя. Я отвел ее на несколько шагов вглубь сада.

- Послушайте, вы должны положить конец этому безумию.

Она подняла взгляд. Синие глаза казались мертвыми и блестели холодно, как звезды на зимнем небе.

- Вы можете остановить дуэль, если захотите.

- Я не собираюсь этого делать. Я никоим образом не замешана в этой пренеприятнейшей истории и не намерена вмешиваться. Споры и дуэли - это мужское дело.

- Это так, панна Мария, но неужели вам не жаль их?

Она не ответила и ушла в дом.

... Дуэлянты разошлись на расстояние пятнадцати шагов. Убийственная дистанция. Я пытался заставить Григория отойти на тридцать, но он решительно отказался. Похоже, Палий уже успел протрезветь, но так и не отказался от своего безумного решения. Он стоял, заведя руки за спину, и спокойно смотрел на дуло своего соперника. Гордый и глупый. Нелепо храбрый и мертвенно бледный. Мне казалось, я слышал его сердцебиение на расстоянии в десять метров.

Болеслав был собран и серьезен, как перед экзаменом. Выглядел он уже значительно лучше — вытер слезы и кровь из рассеченной губы, прищурил глаза и приподнял подбородок. Он знает, что делать, и исполнит все в лучшем виде, в этом я не сомневался.

Капнули в вечность несколько секунд.

Ну же. Нужно покончить с этим.

Смелее.

Револьвер в руке Андриевского начал дрожать. Его серьезный взгляд вдруг стал бегающим и испуганным. Он перевел глаза на меня.

Ты знаешь, что делать, мальчик. Просто сделай.

Что-то отвлекло меня и мой взгляд упал на Марию. Она вновь напоминала призрак — светлое платье, овал лица в обрамлении темных волос зловеще белел в темноте. Терновская приподняла плечи и прижала руки к груди, ожидая выстрела. На ее лице застыло странное выражение — это была смесь страха и восторга. Я замер. О, какое впечатляющее представление! Как оно нравилось ей! В тот миг я понял, почему она отказалась останавливать

дуэль.

Громыхнул выстрел.

В тишине глухо стукнулось о землю падающее тело.

Ни вскрика, ни хрипа, ни просьбы о помощи. Все вокруг — и природа, и низкое темное небо, и дом, и люди — будто онемело.

Я метнулся к Григорию. На его груди растекалось пятно — словно расцветал экзотический цветок. В голове возникли строки старинной песни: цветы на могилах солдат растут из горячих сердец. Я не мог пошевелиться, понимая, что помощь уже не требуется, и все глядел на тело своего некогда веселого и шумного друга.

Где-то сзади послышался сдавленный стон и всхлипы. Что-то упало, но я не обернулся.

- Помилуй его, Господи, - Терновский перекрестился и накрыл Григория полотном.

...Снующие туда-сюда люди, стоны, шепот, возгласы — все смешалось для меня в один жужжащий гул. Я захлопнул за собой дверь кабинета и свалился на стул, закрыв лицо руками.

В комнату зашел Терновский.

- Сейчас прибудет наряд криминальной полиции из Винницы. Делегаты разъезжаются. Желаете попрощаться?

- Почему он поступил так, Терновский? - прошептал я. - Промахнулся? Испугался того, что Григорий потребует своей очереди для выстрела даже с простреленной рукой, и убьет его?

- Думаю, все сложнее, - устало пробасил мой друг.

Догадка хлестнула меня, как кнут. Но я побоялся даже произносить ее вслух. Если Терновский прав, и Андриевский так отомстил своему удачливому сопернику, я не хочу ничего об этом знать.

По полу скользнула полоска желтого света. В кабинет кто-то заглянул.

- Вот вы где, папенька. Вас все ищут.

Этот голос был словно прикосновением к оголенному нерву.

- Уже иду, сердце мое.

Терновский вышел и дверь закрылась, но, к моему удивлению, вскоре послышался вздох.

- Вам понравилось представление, Мария Александровна? - спросил я, не глядя на нее.

- Не понимаю, о чем вы.

- Прекрасно понимаете.

- Вы же знаете, что я не имею к этому никакого отношения, пан Нестайко, - холодно ответила графиня. - Я стараюсь не вмешиваться в мужские споры...

- ... и одновременно с удовольствием провоцируете их, - выдохнул я. - Впрочем, у вас все еще есть прекрасный шанс стать королевой Украины, поздравляю.

Я услышал, как легко зашуршало ее платье. Мария подошла к столу и склонилась надо мной. Ее прекрасное лицо с мягкими детскими чертами в этот момент исказилось — губы казались черными, глаза запали и нехорошо, лихорадочно заблестели.

- Слишком мелко. Это меня не интересует, пан Нестайко, - сухо произнесла она. - Я помолвлена с цесаревичем Вильгельмом.

Я оцепенел и перестал дышать. Ее влияние казалось всеобъемлющим.

- Вы чудовище.

Мария смотрела на меня еще пару секунд, а затем выпрямилась и направилась к двери.

- Вовсе нет.

И улыбнулась.

%%%

Я пришел к "Савою" в условленный час. Люди сновали по Соймовой как муравьи. Где-то в глубине улицы, со стороны Юридики, солдаты тащили паровую пушку и хорунжий, восседавший на ней сверху, хрипло кричал "Разойдись! Разойдись, поберегись!". Процессию сопровождали казаки из Брацлавского механизированного кавалерийского полка. Их тяжелые бронециклы, овеваемые паром, пронзительно свистели, но не двигались с места. Несколько паромобилей, остановившихся из-за этой процессии, заблокировали путь единственному

винницкому трамваю. Водитель дергал колоколец, и его трели, сливаясь с недовольными криками мобилистов, звуками клаксонов и пытением моторов, создавали неповторимую родную атмосферу.

Мне будет не хватать этого города. Я будто врос в него корнями. Я не видел Киев тридцать лет и не мог представить, какой будет наша жизнь там.

- Пан Нестайко!

Графиня Терновская появилась на пороге гостиницы. Подъехал экипаж, швейцар подвез к нему лифтер и стал накручивать ручку. Каретка поднялась вверх и чемоданы оказались на крыше.

Я подал Марии руку и помог усесться. Кучер хлестнул лошадей и экипаж покатился по разбитой тяжелой техникой мостовой. Под дном запыхтел парогенератор, и в салоне потеплело.

- Я боюсь туда возвращаться, - тихо произнесла Мария.

- Я тоже.

- Столько времени прошло... Я все время хотела извиниться перед вами и Болеславом.

Я усмехнулся.

- Это лишнее. Мы были молоды.

На ее лице на миг отразилось невыносимое страдание. Мария глубоко вдохнула и закашлялась. Она поднесла платок к губам и замерла. Мы помолчали несколько минут, а затем она сказала:

- Не говорите Болеславу, что видели меня.

- Как пожелаете. Его Величество недавно вспоминал о вас.

- Вильгельм расторгнул помолвку за две недели до свадьбы, ничего не объяснив, и женился на подруге своей сестры, дочери прусского короля, - Мария вздохнула. - Знаете, я собиралась прожить великую жизнь. Но она обхитрила меня и закончится слишком быстро.

Я обернулся к ней. Глаза Марии Александровны были тусклыми, синева затуманилась слезой.

- Я бы хотела вернуть назад тот страшный вечер... - горячо прошептала она.

- Не продолжайте.

- Вы, вероятно, до сих пор не простили меня, ведь Григорий был вашим другом.

- Я не сужу вас, Мария Александровна. Только не я.

Она замолчала на пару минут, по щекам ее бежали слезы.

- Как я устала, - прошептала она. - Как устала!

Я взял ее за руку.

- Заберите меня в Киев, Северин. Не оставляйте меня здесь, умоляю.

Экипаж выехал за пределы города и катился среди бесконечных заснеженных полей, сияющих до рези в глазах.

Спустя месяц и две недели я похоронил ее в Киеве, на Байковом кладбище, рядом со своей женой.

07.08.2015 - 17.10.2015